

В этом году отмечается 75-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. В честь этой знаменательной даты наш журнал публикует отрывки из ранее изданных книг воспоминаний сотрудников ВСЕГЕИ, воевавших на фронте, эвакуированных и проводивших геологические работы во всех уголках страны, оставшихся в Ленинграде и испытывавших все лишения блокадного города. Эти люди просто и без излишней эмоциональности описывают мучительный и постоянный голод, ежедневные ночные обстрелы, смерть любимых и близких... В каждой семье была война, и каждый: кто взрослым, а кто ребенком – прошел свой путь к Победе.

А. В. БУЛЫЧЁВ

На фронт

В начале марта 1942 года мы с мамой остались одни в небольшой коммунальной квартире. Кто-то из соседей умер, остальных эвакуировали на «Большую землю» по льду Ладожского озера. Я к этому времени уже не ходил, только лежал. Родственники, боясь, что меня не довезут, брать с собой не решились. Предстояло тихо умереть в пустой холодной квартире.

Еще зимой в наш дом попал немецкий снаряд, разорвавшийся выше этажом, буквально над головой. По этой причине входная дверь у нас не запиралась. Однажды днём к нам зашли женщины – бойцы МПВО, собиравшие по квартирам трупы умерших. Власти города были серьезно озабочены проблемой предотвращения возможных эпидемий. Поговорив с нами, они обещали зайти еще раз и чем-нибудь помочь. Действительно, через какое-то время они появились, но теперь для того, чтобы забрать меня в больницу. Транспорта не было. На санках, чуть ли не через весь город, они оттащили меня в детскую больницу им. Раухфуса.

Через три месяца предо мной встал вопрос, что делать дальше. Учебный год в школах закончился, на работу не берут – мал. Помогли друзья погибшего на фронте отца. С их помощью устроился токарем на кондитерскую фабрику им. Микояна. Там работал цех по производству зенитных снарядов. Три дня учебы у станка – и вот я уже «квалифицированный» рабочий. Режим работы был жестким:

12 часов у станка, 12 отдых; неделя работы днем, следующая – в ночь. Норм выработки никто из нас не знал. Действовало негласное постановление мастера – «обточи сорок заготовок и иди отдыхать!». Выполнить подобное задание практически никогда не удавалось. Станки старые, разболтанные, включавшиеся через общую трансмиссию, которая часто ломалась. В качестве поощрения за работу начальник цеха иногда давал записку в карамельный цех с просьбой разрешить поработать (за счет личного отдыха) подсобником. Это была высшая благодарность; чаще же мы пытались уловить момент, когда из этого цеха выбросят пустую тару из-под конфет и тогда, может быть, удастся наскрести ложку сладкой крошки, прилипшей к стенкам ящиков.

Домой выбирался редко, сил не хватало. Спал прямо у станка. Однажды, кажется, в сентябре, по цеху прошел слух: райком Выборгского района набирает комсомольцев для службы на флоте. Вскоре появилось и официальное объявление. Я долго не раздумывал, моряком стать мечтал всегда, поэтому проблемы идти – не идти у меня не возникало. Уже на следующий день был в райкоме. Однако тут возникли непредвиденные трудности: мне еще не было 15 лет, и я не был комсомольцем.

Слава богу, райкомовские ребята не оказались бюрократами. Они предложили мне тут же написать заявление о приеме в организацию, без проволочек дали необходимые

рекомендации, и через несколько часов я уже был полноправным членом ВЛКСМ и добровольцем-моряком.

Сейчас, по прошествии стольких лет, понятна позиция райкома. В критические для Ленинграда дни 1941–1942 годов с кораблей на сухопутный фронт ушла значительная часть плавсостава, и перед летней компанией 1943 года возникла острая нехватка корабельных специалистов. Решить подобную проблему в условиях блокадного города обычным путем было невозможно. Тут, по-видимому, и пришел на помощь положительный опыт Северного флота – привлечь на корабли юнг, предварительно обучив их на базе учебного отряда.

Так или иначе, но через несколько дней я уже шагал в строю добровольцев на Васильевский остров. Разместили в нынешнем училище подплава. В помещении ни столов, ни стульев, ни кроватей. На полу тюфяки, набитые сеном. Спали вповалку, не раздеваясь. Некоторые из знакомых мне по работе ребят дрогнули и, улучив момент, сбежали. Звали и меня, но упускать шанс стать моряком и попасть на фронт не хотелось.

Вскоре нашим прибежищем оказался Второй флотский экипаж на площади Труда. Ждали ненастной погоды, чтобы переправиться в Кронштадт. Немцы простреливали фарватер. Однажды вечером, в первых числах октября последовала команда: «Выходи строиться!» Быстро добрались до Финляндского вокзала. Погрузились в вагоны. Едем. Куда – не известно. Выгрузились в полной темноте. Тихо передаются команды: «Не разговаривать! Не курить!» Слышу шепот: «Это Лисий Нос». Осторожно подходим к пирсу. Нас ждут. Быстро размещаемся на пароходе. Предстоит пережить небольшое, но опасное путешествие.

Ну вот и Кронштадт. Здравствуй, Флот!

Первый бой. Я был зачислен в Школу связи им. А. С. Попова, в группу гидроакустиков. В конце апреля неожиданно поступил приказ: досрочно принять экзамены и направить всех гидроакустиков в распоряжение командования истребительного отряда Кронштадского морского оборонительного района Краснознаменного Балтийского флота (КСМОР КБРФ). Так 3 мая 1943 года я попал в Первый гвардейский дивизион катеров – морских охотников.

Встретили меня на катере очень хорошо. Мы были первыми юнгами, попавшими на боевые корабли, поэтому расспросам не было конца. Все это происходило днем, а поздно вечером катер вышел в боевой дозор. Команда работала на своих боевых постах, а я от обилия впечатлений, сытной еды и качки заснул. Разбудил меня резкий звон.

Боевая тревога!

Все, кто был в кубрике, выскочили наверх, а что делать мне, я не знал. Подумав, решил вылезти наверх.

И тут началось!...

Носовая пушка, около которой я стоял, стала стрелять. От неожиданности и резкой боли в ушах невольно присел. Катер, который шел полным ходом вперед, вдруг сделал резкий поворот, и я чуть не полетел за борт. А тут еще два крупнокалиберных пулемета заработали прямо над головой. Темнота. Грохот. Катер на полном ходу крутится, как волчок, с резким креном то на один, то на другой борт. Пальба со всех сторон – мы стреляем, в нас стреляют. Бьют в основном трассирующими. Такое впечатление, что все целят прямо в тебя. Схватился за поручни рубки, оторваться не могу...

Вывел меня из оцепенения голос командира орудия: «Что стоишь ..., та-та-та, подавай снаряды!»

Утром, когда вернулись на базу, узнал, что мы вели бой с четырьмя катерами немцев и один из них утопили. В кубрике долго пересказывали подробности ночного боя и смеялись надо мной.

Потом я много раз участвовал в подобных боях, отбивались от налетов самолетов, специально охотившихся за катерами, высаживали десант, проводжали на боевые позиции подводные лодки.

Но первый бой, в котором мне пришлось так бесславно участвовать, помню со всеми подробностями до сих пор.

Однажды. Летом 1944 года наш «Морской охотник» в очередной раз проводил десятидневное дежурство в проливе Бьерке-Зунд. Погода стояла отличная. Тепло. Как обычно при таком дежурстве ночь проходит в боевой готовности № 1, поэтому днем большинство команды отдыхало. У механизмов и оружия нес вахту «второй» состав, в том числе несколько юнг-мотористов, которых к этому времени учебный отряд КБФ подготовил довольно много и отправил на флот.

Дежурство заканчивалось, все порядком устали, кто спал, кто загорал. Неожиданно с мостика раздался голос вахтенного сигнальщика: «Торпеда по носу!» На какое-то мгновение никто в это не поверил. Где это видано, чтобы по катерам стреляли торпедами? Но сразу же за возгласом вахтенного раздался сигнал боевой тревоги.

И тут случилось непредвиденное. На команду командира «Заводи моторы, полный вперед!» мотористы поспешили и резко увеличили нагрузку на моторы. Моторы заглохли. Вторая торпеда попала точно в наш катер.

Как упал в воду, как остался жив, до сих пор не понимаю. Пока плавал (спасибо капковому бушлату!), свербила одна мысль — как бы лодка не всплыла и не взяла нас в плен.

Спасло нас то, что радист успел сообщить на базу, что мы атакованы лодкой. Вскоре подошел катер нашего дивизиона и подобрал нас. Из команды катера в живых осталось семь человек, двадцать погибли. Спустя некоторое время прямо на рейде базы было потоплено еще несколько наших катеров.

Эта история завершилась в стиле хэппи энд. Однажды небольшой рейдовый катер-дымзавесчик как обычно направился к выходу из бухты. Его небольшая команда (несколько человек) занималась приборкой палубы. Один из моряков наклонился через борт, чтобы зачерпнуть ведро воды, и прямо под собой увидел подводную лодку, которая

почти «на брюхе» (глубина около 30 метров) вползала на наш рейд.

Сиреной и ракетами вызвали «морской охотник». Сбросив серию глубинных бомб, он потопил лодку. Спасти удалось только шести немецким морякам.

Потом лодку подняли, отбуксировали вначале в Кронштадт, а затем в Ленинград, где она довольно долго стояла у моста Лейтенанта Шмидта. Тогда и выяснилось, какие торпеды применяли немцы против катеров.

Как писали в «Вечернем Ленинграде» и других изданиях, это были новые, специально предназначенные для малых целей акустические самонаводящиеся торпеды. Выявили на лодке и еще одну новинку — особое устройство, позволявшее заряжать аккумуляторы, не всплывая на поверхность.

Андрей Владимирович Бульчѳв (1927–2017)

Род. в Ленинграде. Старший научный сотрудник, кандидат геолого-минералогических наук. В 1942 г. работал токарем на фабрике им. Микояна, в октябре пошел добровольцем на флот. В 1945 г. был переведен в Военно-морскую академию кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова. В марте 1950 г. демобилизован. В том же году окончил школу и поступил в ЛГИ. С 1954 г. работал во ВСЕГЕИ. Награжден медалью Ушакова и другими орденами и медалями как участник Великой Отечественной войны.

Текст приведен по изданию «Ветераны помнят» (СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 2010. С. 42–45).